

Г. Скребницкий

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Издательство
"Малыш"

P. 100
C. 100

Т. Скребицкий

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Рисунки
С. Куприянова

Издательство «Малыш»
Москва 1964

СО Д Е Р Ж А Н И Е

НАШИ ДЕЛА И НОВОСТИ

СНЕГОВИК	7
СКВОРУШКА	9
ЗАГАДКА	
Прощай, зима!	13
На льдине	14
Среди чужих	16
Радостная встреча	18

Я РАССКАЖУ ВАМ СКАЗКУ

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ	22
ЧЕТЫРЕ ХУДОЖНИКА	27
ВЕСНЕ НАВСТРЕЧУ	40
САМЫЙ УПРЯМЫЙ	47
СИНИЦА И СОЛОВЕЙ	56

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Георгий Алексеевич Скребицкий

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Художник С. Куприянов

Ответственный редактор Л. Архарова. Художественный редактор А. Куприянов

Технический редактор Е. Соколова

Корректоры С. Блякштейн, Н. Пьянкова

Подписано к печати 10/IX-63 г. Бумага 60×90%. Печ. л. 8. Уч.-изд. л. 7,25.

Тираж 115 000. Заказ № 219. Изд. № 676. Цена в переплете 61 коп.

Издательство «Малыш» Государственного комитета Совета Министров РСФСР

22 печати

Москва, А-55, Бутырский вал, 68

Полиграфкомбинат, г. Калинин, проспект Ленина, 5.

1950

НАШИ ДЕЛА И НОВОСТИ

С Н Е Г О В И К

За ночь выпало много снега. Утром, когда ребяташки пошли в детский сад, они просто не узнали свою улицу: она была вся белая — и мостовая, и тротуары, и крыши домов. А воздух был чистый, прозрачный, и в нём так хорошо пахло свежим, только что выпавшим снегом!

После завтрака ребяташки оделись и вместе со своей воспитательницей Марьей Ивановной вышли во двор. Тут они принялись за работу: накладывали на санки лопаточками снег, отвозили его на середину двора и сваливали в большую кучу. Ребята старались наложить на санки побольше снега, потом один впрягался и тянул за верёвку, а другой подталкивал сзади. Тот, кто тянул, был лошадию, фыркал и брыкался, а кто подталкивал — был возчиком. Он покрикивал на лошадь и даже слегка подстёгивал её хвостинкой. Лошадь на это не обижалась.

— Вот мы с Петей какой огромный воз привезли! — крикнул Коля, подвозя санки к Марье Ивановне.

— Молодцы! — похвалила она.

Другие ребяташки тоже не отставали в работе, и скоро посреди двора выросла большая куча снега.

Тогда начали лепить деда-снеговика. Сначала слепили туловище, потом скатали из снега круглый ком и положили на туловище — получилась голова. Вместо глаз вставили два уголька, а вместо носа приделали большую, толстую морковь. Руки Марья Ивановна вылепила из снега и в одну дала метёлку, а другою снеговик упёрся в бок. Так он и стоял, подбоченясь, с метлой в руке. На голову ему надели старую соломенную шляпу.

Эта шляпа ребятам была давно знакома. Прошлым летом на даче Марья Ивановна сначала ходила в ней за грибами. Потом как-то раз грибов набрали очень много — их некуда было класть, и тогда шляпа Марьи Ивановны превратилась в корзинку. Затем из корзинки она превратилась в сачок, ребята ловили им головастиков и водяных жуков.

А теперь Марья Ивановна опять достала шляпу из кладовки, вставила сбоку вместо пера прутик и надела её на голову снеговика:

— Ну, вот и готово!

Ребятишки и Марья Ивановна отошли в сторону, чтобы издали полюбоваться на свою работу.

И вдруг все так и замерли: с соседнего дерева прямо на голову снеговика спорхнула синичка. Ребята её хорошо знали. Она постоянно летала вместе с воробьями по двору возле дома и клевала хлебные крошки. Ими дети кормили птиц. Эта синичка была очень смелая. Она часто садилась на подоконник и даже на форточку. Вот и теперь она прыгала на шляпе снеговика и несколько раз что-то с неё склоннула. А потом перелетела на длинный морковный нос и давай его долбить!

— Марья Ивановна, Марья Ивановна! — заволновались дети. — Она ему весь нос отключёт!

— Нет, ребята, не бойтесь! — засмеялась Марья Ивановна. — А знаете, что я придумала? Давайте так устроим, чтобы наш дед-снеговик кормил птиц.

— Давайте, давайте! — закричали все, перебивая друг друга.

Синичка испугалась, взлетела на дерево и уселась на ветку.

— Слушайте, — сказала Марья Ивановна, — мы дадим снеговика в руки не метёлку, а дощечку, чтобы он держал её перед собой, как поднос. А на дощечку каждое утро будем сыпать разные крошки и зёрнышки. Вот наш снеговик и станет кормить птиц.

— Ой, как хорошо! — обрадовались дети и даже запрыгали от восторга.

Они быстро отыскали подходящую дощечку и принесли её Марье Ивановне.

Тогда она переделала руки снеговика. Теперь он держал ими дощечку. На неё дети насыпали хлебных крошек, зёрен, а маленькая Таня даже положила кусочек сахара, который оставила от чая для куклы.

Угощение было готово, и дети побежали домой, чтобы глядеть в окно, как птицы прилетят к деду-снеговика.

Но в этот день почему-то никто из крылатых гостей не захотел попробовать угощения ребят.

Зато на следующее утро птицы, наверно, перестали бояться. Первой прилетела на дощечку бойкая синица, а следом за нею туда же собралась целая стайка воробьёв.

Дед-снеговик угощал птиц. Он

держал дощечку, как блюдо, на вытянутых руках и поглядывал на воробьёв и синичку чёрными угольными глазами, будто хотел сказать: «Кушайте, кушайте получше, набирайтесь побольше сил».

И птицы очень охотно клевали крошки и зёрнышки.

СКВОРУШКА

Кончилась зима. Наступила весна. Снег потемнел и пропитался водою.

Дед-снеговик покосился набок. Шляпа на нём обвисла, размокла, морковный нос отвалился, и дощечка из рук тоже выпала. Но она уже больше и не нужна была. Птицы весной перестали прилетать к деду в столовую. Теперь они находили себе корм на оттаявшей земле — на проталинках. У птиц начались большие хлопоты: они устраивали гнёзда.

Как-то утром, придя в детский сад, ребяташки увидели в окно воробья. Он сел на шляпу деду-снеговика и вдруг схватил клювом торчавшую из неё соломинку, схватил и улетел. Марья Ивановна сказала, что воробей понёс её себе в гнездо.

Марья Ивановна с детьми сколотила из дощечек птичий дом — скворечник.

Скворечник пристроили в саду на высоком дереве. Каждое утро, выходя гулять, дети смотрели, не прилетели ли в их домик скворцы. Но домик всё пустовал.

Это было, конечно, очень досадно, потому что погода с каждым днём становилась всё теплее.

Марья Ивановна придумала очень интересную игру на прогулках. Ребята копали канавки и проводили воду из огромных весенних луж. Эти лужи были моря, озёра, а ручьи — бурные реки. Ребята устроили водохранилище и отводили воду в огород к прошлогодним грядкам.

Работа уже подходила к концу. Но тут из дома прибежала дежурная Любочка и

закричала, что пришёл Колин брат и принёс в подарок настоящего живого скворца.

Пришлось временно прервать все дела, бежать в дом встречать гостей, смотреть птичку.

Скворец всем детям очень понравился. Пёрышки у него были чёрные, блестящие, с зеленоватым отливом, а клюв длинный и прямой, как палочка. Скворцу дали кашу с творогом, и он начал есть.

Наевшись, он немного попил, а потом залез в чашку с водой и начал так здорово купаться, что брызги полетели из клетки прямо на ребят. Тут поднялся писк, визг. Но скворец, видно, уже привык к шуму и крику. Он даже внимания не обратил, выкупался, взлетел на жёрдочку и стал отряхиваться, сушить пёрышки.

— Какой хороший скворушка! — радовалась маленькая Таня.

— Можно мы его с собой на дачу возьмём? — спросил Петя. — Мы ему разных червячков собирать будем. На даче ему, наверно, очень понравится.

Марья Ивановна поглядела на скворца и сказала:

— А я хочу предложить вам совсем другое. Давайте его выпустим на волю.

— Как — выпустим? — изумились ребята. — Ведь его же нам подарили! Зачем выпускать? Пусть у нас живёт.

— Вот и отлично, что подарили, — ответила Марья Ивановна. — Теперь он ваш, и вы можете распорядиться им как хотите. Поглядите, как хорошо на воле. Солнышко светит, тепло, ручьи бегут, а скоро и весь снег растает, всё зазеленеет кругом. Сейчас птицы летят к нам из южных стран, летят, торопятся к себе на родину, будут петь песни, гнезда вить, выводить птенцов. А вы хотите его всё лето в клетке держать. Пусть лучше летит куда хочет, найдёт парочку, устроит гнездо и выведет скворчат.

Дети притихли, слушали Марью Ивановну. Им уже и самим было жалко держать весною в клетке скворца, но и жалко было с ним расставаться. «Только подарили — и уже выпускать!»

— Давайте его лучше до лета подержим, а потом выпустим, — предложил Коля.

— А когда же он будет гнездо строить, детей выводить? — возразила рассудительная Любочка. — По-моему, уж раз выпускать, так выпускать теперь, пока мы его ещё больше не полюбили.

Так и решили — выпустить скворца утром на следующий день.

И какой же это выдался хороший денёк! Настоящий весенний. Небо и лужи в саду были совсем голубые, а снег так и таял на солнце, прямо на глазах.

Марья Ивановна поглядела на градусник за окно и сказала:

— Ого! Восемнадцать градусов тепла. Ну, дети, сегодня можно открыть балконную дверь в сад.

— Вот хорошо-то! — обрадовались ребятинки и, подбежав к двери, начали отдирать полоски бумаги, которыми дверь была заклеена.

Марья Ивановна тем временем принесла большой ключ и вставила его в замочную скважину.

— Ну, а теперь идите наденьте пальтишки, — сказала она.

Все мигом оделись и вернулись в комнату. Марья Ивановна, не торо-

пясь, повернула ключ. Он щёлкнул со звоном раз, другой — и дверь открылась.

— Уррра!! — закричали ребята, весело выбегая на балкон.

Он весь был залит горячим весенним солнцем. Половицы на нём ещё не совсем подсохли от стаявшего снега, и от них шёл лёгкий пар, точно они дымились.

А как хорошо пахло из сада свежестью, талой землёй и горьковатой корою деревьев! Весь сад ещё голый, без листьев, так и блестел на солнце, будто умытый весенней водою.

Пока дети бегали по балкону, Марья Ивановна сходила в комнату и принесла клетку со скворцом.

Он тревожно перелетал с жёрдочки на жёрдочку и всё совал свой длинный клюв между прутиками, стараясь раздвинуть их.

— Видите, как ему хочется на волю, — сказала Марья Ивановна. — Ну, станьте так, чтобы всем было видно, как он полетит из клетки.

Марья Ивановна подняла клетку и открыла дверцу.

В первую секунду скворец, видно, даже не понял, что теперь он может лететь. Он отскочил в дальний угол и, склонив головку, внимательно глядел на отвернутую дверцу. Потом нерешительно скакнул к ней раз, другой

и вдруг, махнув крыльями, легко вылетел из клетки. И полетел прямо в сад.

Тут он уселся на яблоню, начал распускать крылья и весь трепыхаться, будто купался в тёплых лучах весеннего солнца. Так он почистился, отряхнулся, да и улетел.

— Прощай, скворушка! — вздохнув, сказала Люба.

А Тая добавила:

— Прилетай к нам в гости!

И детишки, проводив скворца, побежали во двор заниматься срочными делами — осушать болота, проводить каналы и устраивать водохранилища.

А через неделю в саду на дереве, в скворечнике, неожиданно поселились два скворца. Они принялись строить там своё гнездо, таскали в скворечник разные соломинки, пёрышки...

Под вечер, когда заходило солнце и весь сад был в красных лучах, скворец садился на сучок возле своего домика и распевал весёлую песню.

И ребята были уверены, что это именно их скворец. Он улетал от них только затем, чтобы найти себе скворчиху. А теперь опять вернулся туда, где его все любят и ждут и где ему устроили такой хороший дом.

Три дня подряд было совсем тепло; снег уже всюду растаял, и Любочка, придя в детский сад, рассказала ребятам, что видела на улице жёлтую бабочку.

Принимаясь за завтрак, детишки всё поглядывали в окно и мечтали о том, как они сейчас побегут на прогулку. Не знали только куда: в свой сад или, может быть, за город, в рощу, ведь Марья Ивановна об этом давно поговаривала. Но никто из ребят даже не предполагал, какая им предстоит замечательная прогулка.

Когда завтрак был кончен, Марья Ивановна весело сказала:

— Ну, одевайтесь скорее. Мы пойдём сейчас на реку смотреть ледоход.

Что тут только поднялось — визг, писк и всеобщее ликование. Все оделись вдвое скорее, чем обычно. Даже капуша Петя и тот почти не отстал от других, только никак не мог справиться с калошами, они почему-то не хотели налезать на башмаки.

— Да ведь ты правый калош на левую ногу надеваешь, — возмутилась подоспевшая на помощь Любочка.

Петя быстро исправил эту маленькую ошибку, и всё оказалось в порядке.

Дети, в сопровождении Марьи Ивановны, весело переговариваясь, пошли по знакомой улице через весь городок. Вот уже и последние домики, а дальше крутой косогор, и за ним река.

Когда ребята взбежали на пригорок, то все даже присмирели от изумления. Внизу перед ними была река, но совсем не такая, как летом — тихая, спокойная. Теперь даже воды почти не было видно. Всю поверхность реки покрывала сплошная масса плывущего льда.

Льдины неслись одна за другой прямо к мосту. А перед мостом из воды торчали, вбитые в дно реки, огромные треугольники из брёвен, будто носы кораблей. Льдины ударялись о них и с треском раскалывались на мелкие части.

— Видите, ребята, — сказала Марья Ивановна, — какое приспособление перед мостом устроено.

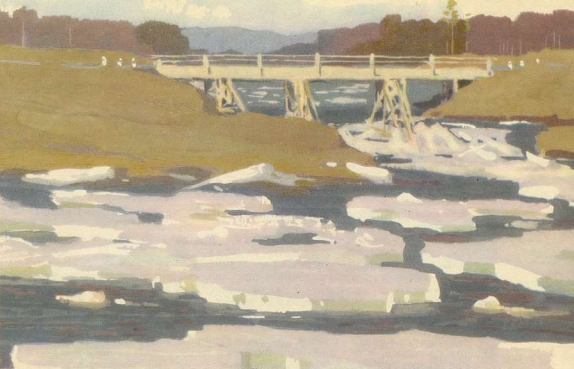
— Для чего это? — спросил любопытный Коля. Ему всё было нужно знать.

— Чтобы большие льдины раскалывались, а то они мост повредят, — ответила Марья Ивановна.

— Ух, как напирают, даже друг на друга лезут, — удивлялись ребята, глядя на льдины. — Смотри, смотри, на дыбы встали и обе вдребезги. Вот страшно!

— А вон кто-то на льдине стоит, — удивился Коля. — Кажется, человек.

Все стали всматриваться. Льдина подплыла ближе, и тут дети увидели, что на ней стоит совсем не человек, а снежное чучело. Оно было одето в рогожу, в руке — метла, а на голове вместо шляпы — старое решето.

Чучело проплыло мимо самого берега, высоко задрав морковный нос и будто подмигивая ребятам чёрными глазками — угольками.

— Смотрите, дети, — смеясь сказала Марья Ивановна, — это на льдине зима от весны удрает.

— Верно, верно, — радостно закричали ребята и начали махать шапками.

— Прощай, зима!

На льдине

Ребята продолжали смотреть на плывущий лёд.

— Ой, что это! — вдруг воскликнула Любочка. — Кажется, собака на льдине.

Действительно, на большой льдине, которая пронеслась мимо ребят, металась рыжая собачонка. Соседние льдины плыли очень неровно, то погружаясь в воду, то наскакивая одна на другую и раскалываясь. Собака боялась перебраться на них и только беспомощно металась с места на место.

— Слышите, лает, визжит, помощи просит, — взволнованно кричали ребята. — Как же помочь ей? Сейчас к мосту затянет, расшибётся о брёвна!

Марья Ивановна волновалась не меньше детей, но не знала, как помочь бедняге.

Вот её уже подносит к страшному месту. Сейчас утонет.

Дети в ужасе прижались к Марье Ивановне.

Но в это время из ближайшего домика на берегу выскочили двое ребят. Они бежали изо всех сил, неся длинную доску.

Собачонка, видимо, тоже заметила подмогу. Она привстала на задние лапы и громко радостно завизжала.

— Беги на мыс, перекидывай на льдину, — кричали ребята. Они остановились у самой воды, держа наготове поднятую доску и ожидая, когда льдина проплывёт мимо них. Только хватит доски или нет?

Льдина уже рядом.

— Бросай!

Доска мелькнула в воздухе и шлёпнулась концом в воду, не достав края льдины. Но собачонку, видно, ободрила помощь ребят. Она ещё раз взвизнула, потом схватила в зубы что-то небольшое, лежавшее тут же на льдине, и храбро бросилась в воду.

Вот она уже ухватила лапами за край доски, карабкается на неё, оборвалась, вновь карабкается, и, наконец, забралась на доску.

— Урра! — восторженно закричали детишки и, перегоняя друг друга, понеслись вниз к реке. Марья Ивановна не отставала от них.

Они прибежали на берег, когда собачка уже вылезла из воды и отряхивалась, вся дрожа от испуга и от ледяной ванны. А у её ног тоже отряхивался и весь дрожал крохотный мокрый котёнок. Его-то собака и притащила в зубы со льдины.

— Вот чудеса, — изумилась Марья Ивановна. — Откуда его взяли? И почему оба на льдине? — Марья Ивановна вопрошала, изглянула на ребят, спасших собаку с котёнком. Но оба мальчика реди на спасённых с меньшим изумлением и, видимо, даже не знали, что с ними дальше делать.

— Вы их себе возьмёте? — робко спросила Любочка.

— На что нам, — улыбнулся один парнишка. — У нас дома своя собака и кошка есть.

— А можно, чтобы они у нас пожили? — стали просить Марью Ивановну ребяташки.

— Конечно, можно, — согласилась она. — Мы им устроим тёплую постельку, будем кормить, ухаживать за ними.

— Ой, как хорошо! — обрадовались детишки, лаская собаку. А Любочка уже подхватила на руки котёнка и пыталась его хоть немножко согреть.

— А вы, ребята, приходите к нам в детский сад их проведать, — весело сказала Марья Ивановна, указывая на собаку с котёнком.

— Хорошо, придём, — застенчиво улыбаясь, ответил старший мальчуган. — Ну, Саша, пошли домой.

— Пошли, — кивнул головой другой. — Прощай, тютюка, — потрепал он собачку по голове, и оба приятеля, захватив доску, отправились к дому.

Увидя, что они уходят, собачка заволновалась. Она бросилась к Любочке, пытаясь отнять у неё котёнка, потом хотела бежать за ребятами, но Марья Ивановна успела её поймать.

— Подожди, пёсик, куда ты? — ласково сказала она. — Оставайся у нас, мы тебя не обидим.

Среди чужих

Ребяташки притащили нежданных гостей в детский сад и принялись устраивать им в передней жилище. Нашли большой деревянный ящик, поставили его боком, вышел отличный домик. Тем временем Марья Ивановна достала из кладовки старый половик и сшила из него наволочку. А ребята набили её разными тряпками, лоскутами, ватой — получилась хорошая мягкая подстилка. Её положили в ящик. Вот и постель готова.

— Теперь наших питомцев нужно покормить, — сказала Марья Ивановна. Она сходила на кухню и принесла оттуда мисочку супа. В суп крошили хлеба и забелили молоком. Получилась очень вкусная еда.

— Ну, покушайте, — сказала Любочка, подставляя миску собаке и подсаживая к ней котёнка. Но ни тот, ни другой даже не притронулся к еде.

Посидев в уголке, собака потихоньку залезла в приготовленный ей ящик и улеглась там. А котёнок тут же забрался ей на спину и тоже улёгся, свернувшись калачиком.

— Пусть отдохнут, — сказала Марья Ивановна, — давайте уйдём, может, они без нас и поедят.

Дети убежали играть во двор.

После обеда все опять пришли навестить своих питомцев. Они по-прежнему лежали в ящике. Еда и питьё были нетронуты.

Ребята очень порчились.

— Ведь они и умереть могут, — встревоженно говорили дети.

— Нет, от этого не умрут, — утешила их Марья Ивановна. — Отдохнут сегодня, а завтра поедят. Только вот жаль, что мы не знаем, как их звать. Ну, котёнок ещё мал, а вот пёсик, конечно, свою кличку знает.

Дети с Марьей Ивановной перебрали все клички, которые вспомнили, но собака ни на одну из них не отозвалась.

— Придётся новую придумать, — сказала Марья Ивановна.

Тут каждый из ребят стал предлагать своё: Мушка, Жучка, Находка...

— А знаете, как я предлагаю, — сказала Марья Ивановна. — Мы ведь о ней ничего не знаем: откуда она, почему попала на льдину и зачем притащила котёнка. Всё это для нас загадка. Вот и назовём её Загадкой.

— Верно, верно, — обрадовались ребята.

Так и решили. Кличка была найдена, но собака на неё, конечно, не отзывалась. Нужно было ещё приучать.

В этот день до самого вечера собака с котёнком не выходили из своей конурки.

А на другое утро они встретили ребят каждый по-своему. Загадка по-прежнему лежала на подстилке и глядела на детей умными, усталыми глазами. Она так и не вышла из своего домика. Зато котёнок, видимо, за ночь совсем оправился, отдохнул и повеселел. Он тут же выскочил навстречу деткам, распушил хвост и стал тереться об их ноги.

Любочка принесла ему в блюде молока.

— Кис, кис, кис... — поманила она.

Котёнок мигом подбежал к блюдечку, уселся возле него и стал жадно лкать молоко.

— Ты бы тоже поела, хоть немножко, — предлагала Любочка собаке, обмакивая в молоко кусок хлеба и поднося к её морде.

Но Загадка только отворачивалась.

— Может, она простудилась, заболела? — волновались дети.

— Нет, она не больна, — сказала подошедшая Марья Ивановна. — Просто очень скучает о своём хозяине.

— А почему же киска не скучает? — удивился маленький Петя.

— Потому что собака больше привыкает к хозяину, — ответила

Марья Ивановна.— А этот малыш к тому же ещё совсем глупенький. Вон как с бумажкой играет.

Котёнок действительно нашёл на полу какую-то бумажку. Подбрасывая её, прыгал и ловил цепкими лапками.

Ребята привязали бумажку на ниточку и потащили по полу. Котёнок во всю прыть пустился вдогонку.

Но не успел он отбежать и десяти шагов, как вдруг Загадка жалобно заскулила, выскочила из ящика, схватила котёнка за шиворот и потащила обратно.

Дети стояли в полном недоумении.

Положив котёнка на подстилку, Загадка принялась его вылизывать. А он, лёжа на боку, глядел весёлыми, озорными глазками на собаку и всё пытался схватить её лапками за язык. Потом он вскочил на все четыре лапки, вспрыгнул собаке на спину и принялся тереть её за ухо, будто хотел этим сказать: «Не пускаешь бегать, ну так давай здесь поиграем!» Но играть Загадке, видимо, не хотелось. Она только трясла головой и плотнее прижимала уши.

Поиграв немного один, котёнок вновь свернулся в клубочек, угрелся в мягкой собачьей шерсти и задремал.

Радостная встреча

На следующий день повторилось опять то же самое. Котёнок весело встретил ребят, с аппетитом поел молока, потом бегал и прыгал около ящика. А Загадка всё так же грустно лежала на своей подстилке и тревожно поглядывала, чтобы её маленький шустрый приятель далеко не убежал. От еды она по-прежнему отказалась и только попила немного воды.

Но днём она, наконец, выбралась из ящика и улеглась на крыльце на солнышке. Она дремала, поминутно вздрагивая, будто бы ей было холодно.

Дети издали наблюдали за собакой.

Может, полежит на солнышке, погрееется и станет веселее, говорили они.

В это время по улице, мимо забора, проходили, переговариваясь, какие-то ребята.

— Зайди-ка сюда, спроси. Говорят, они на днях откуда-то привели,— громко сказал один из проходивших.

— Зайду спрошу,— ответил другой.

И тут случилось что-то совсем непонятное. Будто невидимая пружина подбросила вверх Загадку. Она взвизгнула, помчалась к забору, начала с оглушительным лаем кружиться возле него.

Не успели дети и Марья Ивановна опомниться, как калитка распахнулась, и во двор вбежал какой-то мальчик.

— Найдочка,— крикнул он и в следующий миг уже обнимал собаку.

А она не то лая, не то визжа, даже захлёбывалась от восторга и так быстро вертела своим пушистым хвостом, что он только мелькал в воздухе. В эту минуту она даже забыла о своём четвероногом приятеле — о котёнке.

А он в недоумении бегал вокруг, вздёрнув хвостик и, видимо, совсем не понимая, что такое здесь происходит.

Наконец немного успокоившись от такой радостной встречи, мальчик привстал с земли и начал рассказывать Марье Ивановне и детям, как у него пропала собака вместе с котёнком.

— Они уже давно дружат, куда Найда — туда и Пушок, — рассказывал мальчик. — И едят, и играют, и спят вместе. Он Найду за хвост, за язык ловит, а она его прямо всего целиком в рот забирает, того гляди проглотит. Иной раз за голову возьмёт и тащит. Он, как мешок висит, а сам хоть бы что — даже не пикнет. А потом как вырвется, отряхнётся и опять за игру...

— Ну, а как же они на льдину попали? — спросила Марья Ивановна.

— А это, наверное, вот как случилось, — ответил мальчик. — У нас тётя в другом селе за рекой живёт. Сестрёнка к ней пошла и Пушка с собой захватила — показать, какой он большой вырос. Найда тоже, конечно, увязалась с ними. А наутро лёд на реке тронулся. Сестрёнка у тёти осталась, а Найда, верно, домой побежала и котёнка с собой поволокла. Выскочила на лёд, да и застряла. Хорошо ещё, что не утонули.

Мальчик погладил собаку и взял на руки котёнка.

— Я все эти дни их ищу, у кого, кого только ни спрашивал,— добавил он.

— Ну вот и ответ на нашу загадку,— сказала Марья Ивановна.— А теперь давайте как следует угостим нашего гостя и на прощанье получше накормим Найдочку. Думаю, что теперь она от еды не откажется.

Действительно, опомнившись от своей безумной радости, Найда с такой жадностью накинулась на еду, что дети смеялись, как бы она и миску не проглотила.

А потом Найда схватила в зубы котёнка и во всю прыть понеслась с ним по двору. Ребятишки никак не могли её догнать.

Наконец неожиданный гость собрался домой. Детям было очень жаль расставаться с Пушком и в особенности с Найдой, которая вдруг стала такая забавная и весёлая. Но ничего ведь не поделаешь.

Зато на прощанье хозяин собачки сказал малышам: «Когда у Найды родятся щенки, я вам самого лучшего подарю».

Мальчик забрал собаку, посадил котёнка за пазуху и отправился на берег реки. Он обязательно хотел разыскать и поблагодарить тех ребят, которые выручили из беды его маленького верного друга.

Я РАССКАЖУ
ВАМ СКАЗКУ

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Это случилось давным-давно. Прилетела с юга в наши края Весна-Красна. Собралась она леса зелёной листвою обрядить, на лугах пёстрый ковёр из трав и цветов раскинуть. Да вот беда: Зима никак уходить не хочет, видно, понравилось ей у нас гостить; что ни день, то зазорней становится: закрутит пургу, метель, во всю мочь разгуляется...

— Когда ж ты к себе на Север уйдёшь? — спрашивает её Весна.

— Подожди, — отвечает Зима, — твоё время ещё не пришло.

Ждала, ждала Весна и ждать устала. А тут ещё все птицы и звери — всё живое взмолилось к ней: «Прогони Зиму, заморозила нас совсем, дай хоть погреться на солнышке, поваляться в зелёной траве».

Опять Весна спрашивает Зиму:

— Скоро ли ты уйдёшь?

А Зима хитра, вот что придумала:

— Стара я стала, — отвечает Весне. — Все месяцы перепутала, не помню, когда мне срок настаёт в дальний путь собираться. Давай так решим: как запоёт по-весеннему первая птица, так, значит, я и отправляюсь на Север.

Согласилась Весна. Полетела она по полям, по лесам, созвала всех птиц, которые в этих краях зимовали, и говорит им:

— Запойте скорее весёлые песни! Зима, как услышит их, так и уйдёт отсюда.

— Это нетрудно, — с радостью согласились птицы. — Мы завтра же утром, как только выглянет солнце, так сразу и запоём.

Настало утро, поднялось солнце. Хотело на землю взглянуть, да не тут-то было: Зима затянула всё небо серыми тучами и ну давай посыпать поля и леса хлопьями снега. А потом как закрутит метелью, света белого не видать.

Все птицы попрятались кто куда. А Зима и рада. Говорит Весне:

— Что-то не слышу я птичьей весёлой песенки. Значит, рано мне уходить. Поживу ещё месяц, а то и два.

И на другой, и на третий день — всё непогода: то снег идёт, а то и дождь вместе со снегом.

«Как же Зиму прогнать?» — думают птицы.

Наконец самые озорные из них — воробьи — решили запеть. Не беда, что на воле холодно, сыро. Расширились воробьи за деревенской околицей, прямо удержу нет. Крылышки распускают, хвостики растопырили, наскაკивают друг на друга, кричат, шумят, из кожи лезут вон, так стараются.

— Слышишь, как весело воробьи поют? — говорит Весна Зиме. Но та и слушать не стала.

— Да разве это пение?! — ответила она. — У меня снегири да клесты с утра до ночи кричат. Я это за пение и не считаю...

Услышал их разговор пёстрый дятел и говорит Весне:

— Видно, без моей помощи никак не обойдёшься. Завтра же я за дело примусь: такой концерт в лесу устрою, любо-дорого будет послушать.

Согласилась Весна, ждёт с нетерпением — какой весенний концерт устроит в лесу пёстрый дятел.

Только долго ждать ей не пришлось. Едва рассвело, взлетел дятел на верхушку сухой сосны, уселся там поудобнее на её ствол, цепкими коготками за кору ухватился, оперся на растопыренный хвост да как застучит клювом по сухому дереву.

Далеко по лесу разносло эхо барабанную дробь лесного барабанщика — дятла. И сейчас же с разных концов послышалась ответная трескотня. Все дятлы, как по команде, принялись барабанить, приветствуя приход Весны.

— Слышишь, как радостно дятлы меня встречают? Пора тебе уходить! — говорит Весна Зиме.

А Зима только рукой махнула.

— Послушай-ка, — отвечает, — как скрипят в бурю старые сосны и ели, ещё забавнее получается. Дятлы твои совсем петь не умеют, только ногами стучат. Какая же это песня?!

«Что правда, то правда», — вздохнула Весна. Решила она других певцов поискать.

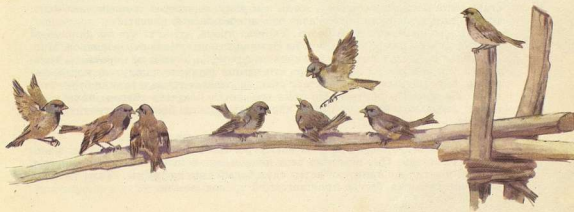
— Давай-ка я попробую, — предложила синица, — мне ни снег, ни мороз не страшны. Пусть только солнышко выглянет, я сразу и запою.

Дождалась синица, когда солнце вылезло из-за туч. Начала она перепаркивать с ветки на ветку, а сама звонким голоском распевает: «Чик-чичу, чик-чичу....» Ловко так у неё получается, будто серебряный колокольчик звенит.

— Слышишь, как хорошо синица поёт? — спросила Весна у Зимы. — Или ты и это за песенку не считаешь?

— Конечно, нет, — отвечает Зима. — Пойдём-ка со мною в лес, послушай лучше, как звенят сосульки на ветках, когда их качает ветер. Куда лучше выходит. Нет, это совсем не песня.

Хитрит Зима. Не хочет синицу настоящим певцом признавать. Что делаешь, придётся искать другого.

— А если я попытаю счастья? — предложила свои услуги длиннохвостая серенькая овсянка. — Я всю зиму с воробьями на деревенских гумнах жила, а теперь перебралась на лесную поляну. Там я и спою свою первую песенку.

— Ну что ж, попробуй, — согласилась Весна.

И вот, как только настало утро, овсянка уселась на верхушку дерева и тоненьким голоском запела: «Зинь-зинь-зинь-з-и-и-и-и-и-и-и-и». Помолчала, передохнула немножко и снова: «Зинь-зинь-зинь-зиинииииииинь».

Простенькая получилась песенка, но зато такая хорошая, задушевная.

— Слышишь, как славно овсянка поёт? — сказала Весна Зиме. — Значит, пришла пора тебе в дальний путь отправляться.

Рассмеялась Зима:

— Ну и песенка, ну и певец! Да у меня в лесу корольки и пищухи с утра до ночи пищат. Я это за песню никак не считаю.

Загрустила Весна. К какому же ей певцу ещё обратиться? Уж и не знает, кого просить.

А тут, глядь, откуда ни возьмись — тетерев-косач прилетел. С виду красавец: перья чёрные с сизым отливом, брови красные, хвост косицами на две стороны завивается. Сразу видно — лесной артист.

— Давно бы меня попросили, — сказал он Весне. — Я на весь лес и запую. И птицы, и звери — все моё пение хорошо знают.

Обрадовалась Весна: «Наконец-то настоящий певец нашёлся. Теперь Зиме уж не отговориться».

И вот, только настало утро, с высокой берёзы раздался задорный крик тетерева. «Чу-фиинииниини! Чуфшшшшшшшшш!» — шипел он, да так громко, что было слышно не только в лесу, но и в полях, и во всей округе.

— Ишь, тетерев зачуфыкал, — говорили люди в соседней деревне, — значит, скоро тепло настанет.

Полетела Весна к Зиме.

— Слышишь, как громко поёт в лесу тетерев? Люди в деревне толкуют, что это к теплу он так распелся, значит, пора тебе уходить восвояси.

— А какое дело мне до людей? — заносчиво отвечает Зима. — Ты заставь птиц петь по-весеннему, тогда я и уйду. А тетерев совсем не поёт, только шипит по-змеиному. Разве это можно песней назвать!

Ничего не ответила ей Весна. Улетела прочь, думает: что же дальше ей делать, какого певца найти, чтобы Зима опять не сумела отговориться. Много певцов имеется: славки, малиновки, соловьи... всех и не перечтешь, только все они зимуют на юге. Теперь эти птицы ждут не дождутся, когда, наконец, в их родных краях растает снег, зазеленеет трава и можно будет снова к себе домой вернуться. Но пока вся земля покрыта снегом, пока в полях и лесах хозяйничает Зима, перелётные птицы боятся возвратиться на родину.

Так ничего и не смогла придумать Весна за весь день.

Опять наступила ночь, а за нею утро. Из-за дальнего леса медленно выплыло солнце. Оно осветило леса и поля, все белые — покрытые снегом. Только кое-где на пригорке ветер сдул белый наряд зимы. Там темнела мёрзлая укрытая бурой прошлогодней травой земля.

Вдруг с одного из таких пригорков взлетела небольшая серая птичка — жаворонок. Взлетела, но не умчалась вдаль, вовсе нет. Она затрепетала крылышками и стала медленно подниматься всё выше и выше. И вот оттуда, с голубой высоты, полилась на землю радостная звенящая песня.

В этой песне слышался и тихий звон весенней капли, и журчание хлопотливого ручейка, и ещё что-то такое светлое, радостное, чего словами и передать нельзя.

Далеко-далеко разнеслась песня жаворонка по полям, по лугам и даже по глухим лесным трупцам.

Заслышав эту весеннюю песню, торопливо полезли из своих норок, из щёлк, из трещинок все, кто скрывался от лютого зимнего холода. Жучки, паучки, букашки... выбирались на солнышко, грелись там, расправляли крылышки, усики, ножки...

Вылез из норы и толстый лентяй барсук. Даже огромный медведь заворочался с боку на бок в своей берлоге.

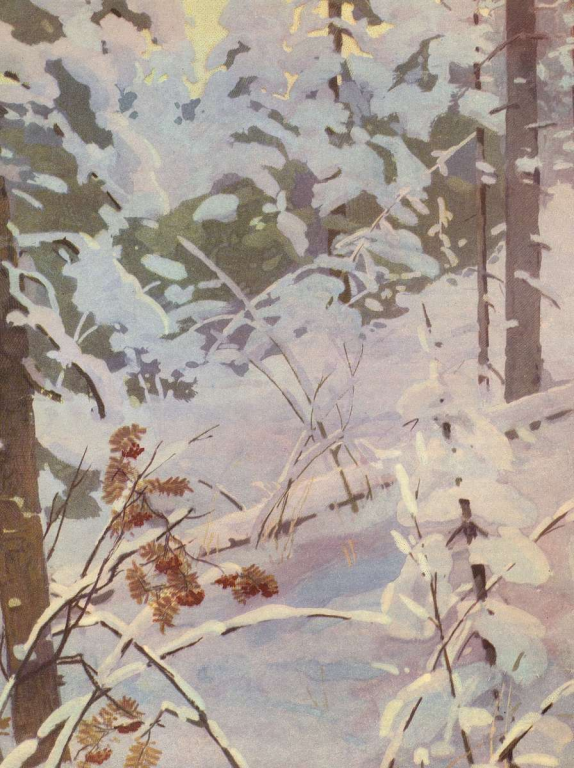
Все звери и птицы и крохотные букашки слушали песню жаворонка, и все, наверное, думали об одном: о том, что сейчас уже не страшна лютая стужа, что нечего было её и бояться, потому что всегда вслед за зимним ненастьем наступают светлые вешние дни.

А жаворонок всё пел, поднимаясь выше и выше. Яркое солнце осветило его, и теперь он уже казался с земли не серенькой птичкой, а золотой звёздочкой, вторым крохотным солнышком, рождённым самой землёй.

— Что же, и это не песня? — спросила Весна Зиму.

Но Зима ничего ей не ответила, только рукой махнула. Она уже отправлялась в далёкий путь.

ЧЕТЫРЕ ХУДОЖНИКА

Сошлись как-то вместе четыре волшебника-живописца: Зима, Весна, Лето и Осень; сошлись, да и заспорили: кто из них лучше рисует? Спорили-спорили и порешили в судьи выбрать Красное Солнышко: «Оно высоко в небе живёт, много чудесного на своём веку повидало, пусть и рассудит нас».

Согласилось Солнышко быть судьёй. Принялись живописцы за дело. Первой вызвалась написать картину Зимушка-Зима.

«Только Солнышко не должно глядеть на мою работу,— решила она.— Не должно видеть её, пока не закончу».

Растянула Зима по небу серые тучи и ну давай покрывать землю свежим пушистым снегом! В один день всё кругом разукрасила.

Побелели поля и пригорки. Тонким льдом покрылась река, притихла, уснула, как в сказке.

Ходит зима по горам, по долинам, ходит в больших мягких валенках, ступает тихо, неслышно. А сама поглядывает по сторонам— то тут, то там свою волшебную картину исправит.

Вот бугорок среди поля, с него проказник ветер взял да и сдул белую шапку. Нужно её снова надеть. А вот меж кустов серый зайчишка крадёт-ся. Плохо ему, серенькому: на белом снегу сразу заметит его хищный зверь или птица, никуда от них не спрячешься.

«Оденься и ты, косой, в белую шубку,—решила Зима,—тогда уж тебя на снегу не скоро заметишь».

А Лисе Патрикеевне одеваться в белое незачем. Она в глубокой норе живёт, под землёй от врагов прячется. Её только нужно покрасивее да потеплей нарядить.

Чудесную шубку припасла ей Зима, просто на диво: вся ярко-рыжая, как огонь горит! Поведёт лиса пушистым хвостом, будто искры рассыплет по снегу.

Заглянула Зима в лес. «Его-то уж я так разукрашу, что Солнышко залюбуется!»

Обрядила она сосны и ели в тяжёлые снеговые шубы; до самых бровей нахлобучила им белоснежные шапки; пуховые варежки на ветки наде- ла. Стоят лесные богатыри друг возле друга, стоят чинно, спокойно.

А внизу под ними разные кустики да молоденькие деревца укрылись. Их, словно детишек, Зима тоже в белые шубки одела.

И на рябинку, что у самой опушки растёт, белое покрывало накинула. Так хорошо получилось! На концах ветвей у рябины грозды ягод висят, точно красные серьги из-под белого покрывала виднеются.

Под деревьями Зима расписала весь снег узором разных следов и следочков. Тут и заячий след: спереди рядом два больших отпечатка лап, а позади — один за другим — два маленьких; и лисий — будто по ниточке выведен: лапка в лапку, так цепочкой и тянется; и серый волк по лесу пробежал, тоже свои отпечатки оставил. А вот медвежьего следа нигде не видать, да и не мудрено: устроила Зимущка-Зима Топтыгину в чаще леса уютную берлогу, сверху укрыла мишеньку толстым снеговым одеялом: спи себе на здоровье! А он и рад стараться — из берлоги не вылезает. Поэтому медвежьего следа в лесу и не видать.

Но не одни только следы зверей виднеются на снегу. На лесной полянке, там, где торчат зелёные кустики брусники, черники, снег, будто крестиками, испотан птичьими следочками. Это лесные куры — рябчики и тетерева — бегали здесь по полянке, склёвывали целешевые ягоды.

Да вот они и сами: чёрные тетерева, пёстрые рябчики и тетёрки. На белом снегу как все они красивы!

Хороша получилась картина зимнего леса, не мёртвая, а живая! То серая белка перескочит с сучка на сучок, то пёстрый дятел, усевшись на ствол старого дерева, начнёт выколачивать семена из сосновой шишки. Засунет её в расщелину и ну клювом по ней колотить!

Живёт зимний лес. Живут заснеженные поля и долины. Живёт вся картина седой цародейки — Зимы. Можно её и Солнышку показать.

Раздвинуло Солнышко сизую тучку. Глядит на зимний лес, на долины... А под его ласковым взглядом всё кругом ещё краше становится.

Вспыхнули, засветились снега. Синие, красные, зелёные огоньки за- жглись на земле, на кустах, на деревьях. А подул ветерок, стряхнул иней с ветвей, и в воздухе тоже заискрились, заплесали разноцветные огоньки.

Чудесная получилась картина! Пожалуй, лучше и не нарисуеться.

Любуется Солнышко картиной Зимы, любитесь месяц, другой — глаз от неё оторвать не может.

Всё ярче сверкают снега, всё радостнее, веселее кругом. Уж и сама Зима

не в силах выдержать столько тепла и света. Приходит пора уступать место другому художнику.

«Ну что ж, поглядим, сумеет ли он написать картину краше моей,— ворчит Зима.— А мне пора и на отдых».

Приступил к работе другой художник — Весна-Красна. Не сразу взялась она за дело. Сперва призадумалась: какую бы ей картину нарисовать?

Вот стоит перед ней лес — хмурый, унылый.

«А дай-ка я разукрашу его по-своему, по-весеннему!»

Взяла она тонкие, нежные кисточки. Чуть-чуть тронула зеленью ветви берёз, а на осины и тополя поразвесила длинные розовые и серебряные серёжки.

День за днём всё наряднее пишет свою картину Весна.

На широкой лесной поляне синей краской вывела она большую весеннюю лужу. А вокруг неё, будто синие брызги, рассыпала первые цветы подснежника, медунки.

Ещё рисует день и другой. Вот на склоне оврага кусты черёмухи; их ветки покрыла Весна мохнатыми гроздьями белых цветов. И на лесной опушке, тоже все белые, будто в снегу, стоят дикие яблони, груши.

Посреди луговины уже зеленеет трава. А на самых сырых местах, как золотые шары, распустились цветы калужницы.

Всё оживает кругом. Почуя тепло, выползают из разных щёлок букашки и паучки. Майские жуки загудели возле зелёных берёзовых веток. Первые пчёлы и бабочки летят на цветы.

А сколько птиц в лесу и в полях! И для каждой из них Весна-Красна придумала важное дело. Вместе с птицами строит Весна уютные гнёздышки.

Вот на сучке берёзы, возле ствола — гнездо зяблика. Оно как нарост на дереве — сразу и не заметишь. А чтобы сделать его ещё незаметнее, в наружные стенки гнезда влетена белая берёзовая шкурка. Славное получилось гнёздышко!

Ещё лучше гнездо у иволги. Точно плетёная корзиночка, подвешено оно в развилке ветвей.

А длинноносый красавец зимородок смастерил свой птичий домик в обрывистом берегу реки: выкопал клювом норку, в ней и устроил гнёздышко; только выстлал его внутри не пухом, а рыбьими косточками и чешуёй. Недаром же зимородка искуснейшим рыболовом считают.

Но, конечно, самое замечательное гнёздышко придумала Весна-Красна для одной маленькой рыжеватой птички. Висит над ручьём на гибкой ольховой ветке бурая рукавичка. Соткана рукавичка не из шерсти, а из тонких растений. Соткали её своими клювами крылатые рукодельницы — птички ремезы. Только большой палец у рукавички птицы не довязали; вместо него дырочку оставили — это вход в гнездо.

И много ещё других чудесных домиков для птиц и зверей придумала зайчица Весна!

Бегут дни за днями. Неузнаваема стала живая картина лесов и полей.

А что это копошится в зелёной траве? Зайчата. Им от роду всего только второй день, но какие уже молодцы: во все стороны поглядывают, усами поводят; ждут свою мать-зайчиху, чтобы их молоком накормила.

Этими малышами и решила Весна-Красна закончить свою картину. Пусть Солнышко поглядит на неё да порадует, как всё оживает кругом; пусть рассудит: можно ли написать картину ещё веселее, ещё наряднее?

Выглянуло Солнышко из-за синей тучки, выглянуло и залобовалось. Сколько оно по небу ни хаживало, сколько дива-дивного ни видывало, а такой красоты ещё никогда не встречало. Смотрит оно на картину Весны, глаз оторвать не может. Смотрит месяц, другой...

Давно уже отцвели и осыпались белым снегом цветы черёмухи, яблонь и груш; давно уже на месте прозрачной весенней лужи зеленеет трава; в гнёздах у птиц вывелись и покрылись пёрышками птенцы; крохотные зайчата уже стали молодыми шустрými зайцами...

Уж и сама Весна не может узнать своей картины. Что-то новое, незнакомое появилось в ней. Значит, пришла пора уступить своё место другому художнику-живописцу.

«Погляжу, нарисует ли этот художник картину радостней, веселей моей,— говорит Весна.— А потом полечу на север, там ждут меня не дождутся».

Приступило к работе Жаркое Лето. Думает, гадает, какую бы ему картину нарисовать, и решило: «Возьму-ка я краски попроще, да зато посочнее». Так и сделало.

Сочной зеленью расписало Лето весь лес; зелёной краской покрыло луга и горы. Только для речек и для озёр взяло прозрачную, ярко-синюю.

«Пусть,— думает Лето,— в моей картине всё будет спелым, созревшим». Заглянуло оно в старый фруктовый сад, поразвесило на деревьях румяные яблоки, груши, да так постаралось, что даже ветви не выдержали— наклонились до самой земли.

В лесу под деревьями, под кустами рассадило Лето много-много разных грибов. Каждому грибку своё место облюбовало.

«Пускай в светлом березняке,—решило Лето,—растут подберёзовики с серыми корешками, в коричневых шапочках, а в осиннике — подосиновики». Их нарядило Лето в оранжевые и жёлтые шапочки.

Немало ещё самых различных грибов появилось в тенистом лесу: сыроежки, волнушки, маслята... А на полянах, будто цветы расцвели, раскрыли свои ярко-красные зонтики мухоморы.

Но самым лучшим грибом оказался гриб боровик. Вырос он в сосновом бору, вылез из влажного зелёного мха, приподнялся немного, стяхнул с себя увядшие жёлтые иглы, да таким красавцем вдруг стал — всем грибам на зависть, на удивление.

Вокруг него зелёные кустики брусники, черники растут, все они ягодами покрыты. У брусники ягодки красные, а у черники — тёмно-синие, почти чёрные.

Окружили кустики гриб боровик. А он стоит среди них такой коренастый, крепкий, настоящий лесной богатырь.

Смотрит Жаркое Лето на свою картину, смотрит и думает: «Что-то мало ягод в лесу у меня. Нужно прибавить». Вяло оно да весь склон лесного оврага и разукрасило густыми кустами малины.

Весело зеленеют кусты. А уж до чего хороши на них ягоды — крупные, сладкие, так сами в рот и просятся! Забрались в малинник медведица с медвежатами, никак от вкусных ягод оторваться не могут.

Хорошо в лесу! Кажется, и не ушёл бы отсюда.

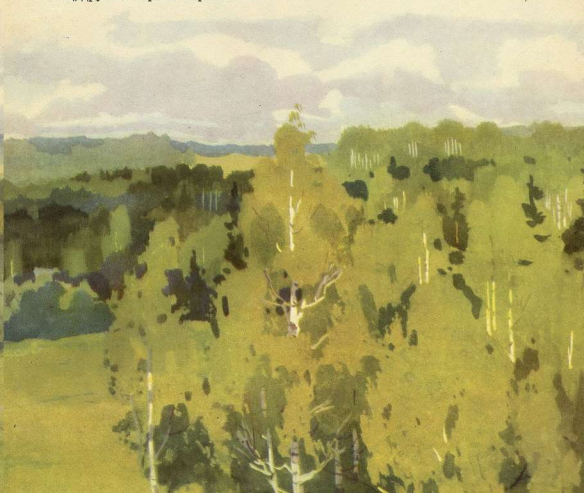
Но художник Жаркое Лето гордится, везде ему побывать нужно.

Заглянуло Лето в поле; покрыло колосья пшеницы и ржи тяжёлой позолотой. Стали поля хлебов жёлтыми, золотистыми; так и клонятся на ветру спелым колосом.

А на сочных лугах затеяло Лето весёлый сенокос: в душистые копны сена улеглись полевые цветы, запрятали в зелёный ворох травы свои разноцветные головки и задремали там.

Зелёные копны сена в лугах; золотые поля хлебов; румяные яблоки, груши в саду... Хороша картина Жаркого Лета! Можно её и Красному Солнышку показать.

Выглянуло Солнышко из-за сизой тучки, смотрит, любитесь. Ярко, радостно всё кругом. Так и не отводило бы глаз от сочной зелени тёмного леса, от золотистых полей, от синей глади рек и озёр. Любуется Солнышко месяц, другой. Хорошо нарисовано!

Только вот беда: день ото дня листва на кустах и деревьях тускнеет, вянет, и вся картина Жаркого Лета становится не такой уже сочной. Видно, приходит пора уступать своё место другому художнику. Как-то справится он со своей работой? Нелегко ему будет нарисовать картину лучше тех, что уже показали Солнышку Зимущка-Зима, Весна-Красна и Жаркое Лето.

Но Осень и не думает унывать.

Для своей работы взяла она самые яркие краски и прежде всего отправилась с ними в лес. Там и принялась за свою картину.

Берёзы и клёны покрыла Осень лимонной желтизной. А листья осинки разрумянила, будто спелые яблоки. Стал осинник весь ярко-красный, весь как огонь горит.

Забрела Осень на лесную поляну. Стоит посреди неё столетний дуб-богатырь, стоит, густой листвой потряхивает.

«Могучего богатыря нужно в медную кованую броню одеть». Так вот и обрядила старика.

Глядит, а неподалёку, с краю поляны, густые, развесистые липы в кружок собрались, ветви вниз опустили. «Им больше всего подойдёт тяжёлый убор из золотой парчи».

Все деревья и даже кусты разукрасила Осень по-своему, по-осеннему: кого в жёлтый наряд, кого в ярко-красный... Одни только сосны да ели не знала она, как разукрасить. У них ведь на ветках не листья, а иглы, их и не разрисуешь. Пусть как были летом, так и останутся.

Вот и остались сосны да ели по-летнему, тёмно-зелёными. И от этого ещё ярче, ещё наряднее сделался лес в своём пёстром осеннем уборе.

Отправилась Осень из леса в поля, в луга. Убрала с полей золотые хлеба, свезла на гумна, а в лугах душистые копны сена сметала в высокие, словно башни, стога.

Опустели поля и луга, ещё шире, просторнее стали. И потянулись над ними в осеннем небе косяки перелётных птиц: журавлей, гусей, уток... А там, глядишь, высоко-высоко, под самыми облаками, летят большие белоснежные птицы — лебеди; летят, машут крыльями, словно платками, шлют прощальный привет родным местам.

Улетают птицы в тёплые страны. А звери по-своему, по-звериному, к холодам готовятся.

Колючего ёжика Осень загоняет спать под ворох сучьев, барсука — в глубокую нору, медведю стелет постель из опавших листьев. А вот белочку учит сушить на сучьях грибы, собирать в дупло спелые орехи. Даже нарядную сизокрылую птицу — сойку заставила проказница Осень набрать полон рот желудей и запрятать их на полянке в мягкий зелёный мох.

Осенью каждая птица, каждый зверёк хлопочут, к зиме готовятся, не когда им даром время терять.

Спит, торопится Осень, всё новые и новые краски находит она для своей картины. Серыми тучами покрывает небо. Смывает холодным дождём пёстрый убор листьев. И на тонкие телеграфные провода вдоль дороги, будто чёрные бусы на нитку, сажает она вереницу последних отлетающих ласточек.

Невесёлая получилась картина. Но зато есть и в ней что-то хорошее. Довольна Осень своей работой, можно её и Красному Солнышку показать.

Выглянуло Солнышко из-за сизой тучки, и под его ласковым взглядом сразу повеселела, заулыбалась хмурая картина Осени.

Словно золотые монетки, заблестели на голых сучьях последние листья берёз. Ещё синее стала река, окаймлённая жёлтыми камышами, ещё прозрачней и шире — заречные дали, ещё бескрайней — просторы родной земли.

Смотрит Красное Солнышко, глаз оторвать не может. Чудесная получилась картина, только, кажется, будто что-то в ней не закончено, будто ждут чего-то притихшие, омытые осенним дождём поля и леса. Ждут не дожидутся голые ветви кустов и деревьев, когда придёт новый художник и оденет их в белый пушистый убор.

А художник этот уже недалеко. Уже настает черёд Зимуське-Зиме новую картину писать.

Так и трудятся по очереди четыре волшебника-живописца: Зима, Весна, Лето и Осень. И у каждого из них по-своему хорошо получается. Никак Солнышко не решит, чья же картина лучше. Кто наряднее разукрасил поля, леса и луга? Что красивее: белый сверкающий снег или пёстрый ковёр весенних цветов, сочная зелень Лета или жёлтые, золотистые краски Осени?

А может быть, всё хорошо по-своему? Если так, тогда волшебникам-живописцам и спорить не о чем; пусть себе каждый из них рисует картину в свой черёд. А мы посмотрим на их работу да полюбуемся.

ВЕСНЕ НАВСТРЕЧУ

Был самый разгар зимы. В лесу от мороза трещали деревья. По утрам солнце вставало красное, как начищенный медный таз. Оно поднималось невысоко над горизонтом и почти не грело землю. Кусты и деревья покрывал белый сверкающий иней, а небо походило на синий застывший ледок. И на нём ещё ярче рисовались серебряные вершины деревьев.

В заколдованном царстве деда-мороза всё было красиво, но безжизненно. Звери попрятались от холода в норы, в логовища, насекомые забрались в глубокие щели и заснули там непробудным сном. Одни только птицы летали по полям и лесам, стараясь разыскать хоть немного корма. Они находились и молчали. В эту пору им было совсем не до криков и не до песен.

Но вот однажды в лес прилетели весёлые, шумливые птицы — клесты. Ростом они были покрупней воробья и одеты гораздо наряднее. У самочек пёрышки были зеленоватые, а у самцов — с оранжево-красным отливом. Но самое удивительное, что сразу поразило в наружности клестов, — это их клювы.

У разных птиц клювы бывают различной формы. У синицы он тоненький, как иголочка; таким клювом очень удобно вытаскивать жучков из узких щёлок. У дятла клюв крепкий, короткий; хорошо им долбить кору, добывать из-под неё жуков-дровосеков или расклёвывать хвойные шишки. А вот у ястреба или у коршуна клюв острый, загнутый вниз. Это хищные птицы. Своим крючковатым клювом они ловко хватают добычу и разрывают её на куски.

У птичек клестов клювы были совсем удивительной формы — тоже острые, крючковатые, но только загнуты не книзу, а в разные стороны: верхняя половина клюва изогнута в одну сторону, а нижняя — совсем в другую. Такой клюв больше всего походил на кривые щипцы.

— Ну и носы! — удивлялись, глядя на клестов, щеглы и синицы. — Как же ими клевать корм или долбить что-нибудь? Вот уж уроды!

Но кривоносые птицы не унывали. Наоборот, в хмуром зимнем лесу они чувствовали себя как нельзя лучше. Это были природные северяне. Перекочевали они в тот лес с далёкого севера — из тайги. Там, в тайге, ещё холоднее и ещё меньше корма. Прилетев на новое место, клесты прежде всего уселись на вершины сосен и елей.

— Ой, сколько здесь спелых шишек! — радовались они. — Какие вкусные в них семена! Вот где раздолье!

Старый пёстрый дятел очень заинтересовался крылатыми соседями. Дятел зимой тоже кормился семенами шишек, но ведь он отлично наловчился долбить их своим крепким клювом. Сорвёт сосновую или еловую шишку, засунет в расщелинку дерева и давай со всего маха клювом по ней колотить, вытаскивать из-под чешуек вкусные семена. Все повытаскивает, тогда летит за новой шишкой и её несёт к той же расщелинке. Пустую выбросит, а новую, полную, вставит и опять начинает долбить.

На снегу под деревом, где трудится дятел, навалена целая куча пустых, расклёванных шишек. Недаром такое дерево с трещинкой зовётся «лесной кузницей», а самого дятла зовут «кузнецом».

Прилетел дятел на то дерево, где расселись клесты, и стал наблюдать, как же они своими кривыми носами будут шишки раздалбливать. Но клесты и не думали это делать. Они расправлялись с ними совсем по-иному. Уцепится клест за шишку острыми коготками, иной раз даже повиснет на ней, как на качелях, засунет свой кривой, изогнутый клюв под чешуйки и начнёт вытаскивать из-под них одно семечко за другим. Нисколько не хуже дело идёт, чем у дятла.

Поглядел дятел на клестов, покачал головой, потом сорвал спелую шишку и полетел к себе в кузницу.

Хорошо жилось птицам клестам в новом лесу: шишек вволю, чего ещё нужно! Так и остались они там зимовать.

Только не нравилось хлопотливым птичкам, что зимний лес такой унылый, нисколько не лучше хмурой тайги.

«Как бы устроить, чтобы в лесу стало повеселее?» — думала молодая птичка клест, сидя на ветке, увешанной спелыми шишками.

— Почему весной все птицы поют, а теперь молчат? — спросила она скакавшую по сучкам синицу.

Та даже крылышки растопырила от удивления и уселась рядом на ветку.

— Ты разве не знаешь — весной все мы строим гнёзда, выводим птенцов. Весна — это самое чудесное время, вот мы и поём.

— Так давайте сейчас строить гнёзда, высиживать птенцов, давайте сейчас петь весёлые песни!

В ответ синица только покачала головкой.

— Странная ты птица! — сказала она. — Кто же зимой вьёт гнёзда и выводит детей? Да они сразу замёрзнут. И кормить их нечем — ведь все жучки и букашки попрятались до весны в глубокие щели и трещины.

— А я всё-таки попробую! — задорно ответила птичка клест. — Мы — северяне, нам никакой мороз не страшен. А еды вон сколько. — И она указала крылом на спелые шишки.

Синица ей ничего не сказала. Что она могла ответить на такие глупые и смешные слова! Пусть хвастливая птичка клест советует зимой гнездо и снесёт в него яйца. Поделом будет ей, если все яйца в гнезде у неё замёрзнут и пропадут. Другой раз будет умнее.

Но смелой птичке очень понравилась её собственная затея, и она сейчас же сообщила о ней своему красноперому другу клесту. Тот с радостью согласился, и обе птицы принялись за устройство гнезда.

Прежде всего нужно было найти для гнезда подходящее место. Осмотрев много деревьев, клесты, наконец, выбрали старую густую ель.

Вся она была укутана снегом. Под его тяжестью ветви обвисли вниз. А промеж заснеженных веток темнели глубокие пещерки. Они вели в чащу ветвей. И вот там-то, на толстом суку, возле самого ствола, птицы решились свить своё гнёздышко. Смастерили они его из тонких веточек, прутиков, а лоток гнезда выстлали мягкими лишайниками и мохом.

— Посмотри, как здесь хорошо и уютно! — радовалась самочка клеста, показывая своему другу снежную голубую пещерку, внутри которой находилось гнездо. — Здесь и ветер не продувает, и мороз не так уж сердит.

Краснопёрый клётс во всем соглашался со своей подругой. А может быть, ему, настоящему северянину, студёная зима и вправду была по душе.

Наконец гнездо оказалось совсем готовым. Самочка снесла туда яйца и уселась насиживать. Она почти не слетала с гнезда, чтобы яйца не застыли на сильном морозе. Кормил её клётс. Он доставал семена из хвойных шишек и приносил их во рту своей подруге. Накормив её досыта, заботливый клётс усаживался неподалёку на ветку и распевал весёлую песню, словно весной в зелёном, цветущем лесу.

Только теперь эту песню слушали белые, запушённые снегом деревья да чуткая, звенящая тишина зимнего леса.

Иной раз пробежит по полянке заяц, услышит птичью песенку, настожит уши, усами поведёт да и скроется в чаще кустов.

Недели две сидела упорная птичка, не слезая с гнезда.

Кроме клеста, её изредка навещала синица. Заглянет в голубую пещерку и лукаво чирикнет: — Как дела? Всё сидишь?

— Сижу, — спокойно отвечала птичка клётсу.

— Сиди, сиди, а я полечу в деревню. Может, крошки какие поклевать удастся. — И синица улетала прочь.

Наконец в один студёный морозный день птичка клётс почувствовала, что скорлупка яйца под нею лопнула. Это вылупился первый птенец. За ним появился второй, третий, четвёртый... Все они вылупились голенькие, слепые, совсем беспомощные.

«Как бы и вправду они не замёрзли», — забеспокоилась птичка-мать и ещё сильнее распушилась, укрывая своих малышек.

Вскоре прилетел к гнезду клётс-отец. Он принёс корм подруге. Но в этот раз она отказалась от еды.

— Покорми сначала наших птенчиков,— сказала она, слегка привставая с гнезда.

Малыши вытянули тоненькие, как ниточки, шейки, приподняли головки и широко открыли рты. Отец-клёт сунул каждому немного семян, смешанных со слюной, и, покормив детвору, снова улетел за кормом.

С этих пор от зари до зари он не переставал носить еду то птенцам, то своей подруге. А она по-прежнему не сходила с гнезда, день и ночь согревая детишек.

Только изредка решалась она покинуть гнездо, чтобы немного размять затёкшие крылышки. Но и тогда малыши не оставались одни. Отец-клёт сейчас же садился на место матери и продолжал их согревать.

Однажды к гнезду снова прилетела синица.

— Как дела? — чирикнула она.

— Всё в порядке. У меня уже вывелись птенцы,— ответила птичка-мать.

Но синица не хотела ей верить.

— Не может быть! Как же они не замёрзли? Сейчас такой холод, даже воробьи в деревне забились в щели сараев!

— А мне тепло,— ответила птичка клёт.— Я же тебе говорила: нам, северянам, ваши морозы совсем не страшны.

Синица хотела что-то ей возразить, но вдруг насторожилась, глянула в сторону и, тревожно чирикнув, перелетела на соседнюю ёлку.

Птичка клёт тоже прислушалась. Кто-то, карабкаясь, быстро лез по стволу. Всё ближе и ближе. И вот перед самым гнездом показалась страшная морда куницы.

Что делать? Сидеть неподвижно в гнезде? Может, и не заметит. А если заметит, тогда сразу съест всех малышек. Нужно во что бы то ни стало отвести хищника прочь от гнезда. И птичка-мать, выпорхнув из своей пещерки, начала с тревожным писком носиться вокруг врага. Она так близко подлетала к нему, что, казалось, вот-вот клёнёт.

Такой дерзости куница никак не могла стерпеть.

— Я тебя сразу поймаю! — проворчала она и ловко перескочила с ветки на ветку, пытаясь схватить дерзкую птичку.

Но та увернулась и снова начала пицать и кружиться возле самого носа хищника.

Куница сделала ещё и ещё прыжок. Так, шаг за шагом, она всё удалялась от глубокой снежной пещерки, где находилось гнездо с малышами-птенцами.

Прошло не менее полчаса, пока птичка-мать достаточно далеко отмашила куницу от своего гнезда. Наконец той надоело преследовать увертливую птичку, и она отправилась дальше в лес искать другую добычу. Теперь можно было без опасения вернуться в гнездо к малышам.

Птичка юркнула в снежную пещерку и подлетела к гнезду. Но здесь её ожидало большое горе. Она слишком долго отсутствовала, а мороз был очень сильный. Все птенцы неподвижно лежали в гнезде. Они были совсем холодные.

Птичка-мать всё же уселась в гнездо и начала отогревать детей. Время шло, а малышки не шевелились.

Вот подлетел к гнезду клёст-отец. Он, как обычно, принёс детворе еду. Но кого же теперь кормить? Птичка-мать по привычке привстала с гнезда. И вдруг птенцы, как по команде, сразу ожили, приподняли головки и широко раскрыли рты.

Живы, живы все! Вот что значит настоящие северяне! Даже им, голеньким малышам, мороз был не так уж страшен. Отогрелись немного — и снова бодры и веселы.

С тех пор день ото дня в птичьей семье дела шли всё лучше и лучше. Птенцы покрылись пёрышками. Теперь и птичка-мать могла слетать с гнезда и приносить корм детворе.

Непоседа синица только крылышками разводила от удивления: «Ну и чудеса!» Она рассказала о замечательной птичке всем своим лесным приятелям: щеглам, королям, пищухам.

Все прилетали подивиться на это зрелище. И действительно, было на что поглядеть: сучьи и ветви ёлки покрывал снег, на концах ветвей висели ледяные сосульки. И вот под этим покровом помещалось уютное гнёздышко. А из него, словно весной, выглядывали задорные головки птенцов. Все они, несмотря на мороз, чувствовали себя превосходно и широко открывали рты, когда отец или мать приносили им хвойные семена.

— Им ни червячков, ни мошек не надо! — поражались птицы и улетали прочь от гнезда, чтобы разнести дальше по лесу занятную новость.

Прошла ещё неделя, другая. Малыши оперились. Настала пора вылетать из гнезда.

И что это выдался за денёк! Первый весенний день.

С утра уже выглянуло солнце. Теперь оно совсем не походило на начищенный медный таз. Оно выплыло из-за верхушек деревьев золотисто-розовое и осветило весь лес тёплым весенним светом.

А зима всё ещё не уступала: всю землю по-прежнему укрывал белый, холодный снег и по-прежнему на концах ветвей висели ледяные сосульки.

Но вот они засверкали особенно ярко, и с кончика каждой из них упала на снег первая тёплая капля.

Лесная капель. Весеннее утро в лесу. Что может быть краше и радостнее этого зрелища!

Синица звонко запела привет весне. Забарабанил о сухое дерево клювом лесной барабанщик — дятел. Тоненьким голоском залилась пищуха. А на старой ёлке пять подросших птенцов робко перелетали с ветки на ветку. Это были закалённые малыши. Они родились в суровую зимнюю стужу, но зато первыми встречали приход весны.

И клесты-родители сустились тут же, возле детей. Они тоже перепархивали с ветки на ветку, радостно переговариваясь между собой. Да и как же им было не радоваться, когда все ненастья, все бури остались уже позади!

Птички растили птенцов в лютый мороз, согревали их собственным телом, кормили той же скудной едой, которой питались сами. И вот, как будто в награду за все труды, пришли, наконец, весенние тёплые дни.

САМЫЙ УПРЯМЫЙ

Это случилось в середине апреля. Рано утром проснулось солнышко, отдёрнуло лёгкую кисею облаков и взглянуло на землю. А там за ночь зима да мороз свои порядки понавели: свежим снегом равнины, холмы укрыли, а в лесу на сучьих деревьях развесили гирляндами ледяные сосульки.

Ребятишки последнему снегу радуются, смеются, шалят, в снежки играют.

Поглядело солнышко на эти проказы зимы и говорит: «Ну, погоди, теперь-то с тобой я живо управлюсь!» Да как начало землю пригревать, сразу и снег и лёд растопило.

Вот в лесу по ложбинке побежал весёлый говорливый ручеек, побежал и запел свою звонкую песенку:

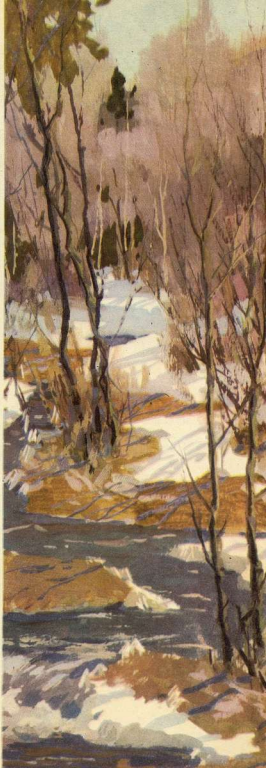
Я лежал в лесу и в поле
Белоснежной пеленой.
Не сидится детям в школе,
Прибегут играть со мной.
Я в мороз висел сосулькой,
Был колючий, как кинжал,
А теперь запел, забулькал,
По ложбинкам побежал.

Вдруг на своём пути ручеек заметил под корнями старой берёзы глубокую норку. «Дай-ка я загляну в неё», — решил ручеек и тихонько зажурчал, пробираясь между корнями.

А в глубине этой норки сладко спал, свернувшись в клубок, сердитый колючий ёжик. Он ещё с осени разыскал это укромное местечко между корнями, натаскал туда моху, опавших листьев, закутался в них да и заснул на всю зиму.

Он бы, наверное, ещё поспал недельку-другую, да только не удалось: холодный ручеек забрался в его тёплую сухую постель, сразу разбудил ежа.

— Это ещё что за безобразие, кто меня будит, поспать не даёт?! — сердито заворчал ёж.

Но ручёк его вовсе не испугался, ведь ёжик никак не мог уколоть его острыми колючками. Поэтому ручёк так же весело продолжал петь озорную песенку:

Заглянул в лесные хатки,
В заповедный уголок,
Кто играл с зимою в прятки,
Полю прятаться, дружок.

Просыпайся поскорее,
Вылезай на волюный свет.
Солнце греет горячее,
Злой зимы растаял след.

— Ох, какой ты несносный,— продолжал ворчать ёжик.— Бр-р-р, какой ты мокрый, холодный! — И ёж поскорее выбрался на волю из своего зимнего убежища.

А в это время в лесу уже хозяйничала весна. Вместе с солнышком они прогнали на север злую зиму и убрали лес по-новому, по-весеннему. Всюду темнела влажная оттаявшая земля. А на открытых полянках, на самом припёке, даже начинала зеленеть первая молодая травка.

По кустам и деревьям распевали птицы: зяблики, дрозды, скворцы... И свежий ветерок разносил по лесу тончайшие весенние запахи. Пахло со-

гретой землёй, набухшими древесными почками и свежей едва появившейся зелёнью.

Ёжик выбрался на лесную поляну, почесал лапкой один бок, потом другой, стряхнул с себя приставшие за зиму сухие листья и с удивлением огляделся по сторонам.

— Ничего не пойму,— проворчал он.— Вчера, когда я ложился спать, лес был совсем не такой; на земле лежали опавшие листья, трава была серой, засохшей. И небо совсем другим, всё в низких, дождливых тучах. А теперь — солнышко светит, птицы поют, трава зеленеет. Чудеса, да и только! Наверное, я со вчерашнего дня хорошо поспал.

— Да, ты поспал на славу! — рассмеялась, спрыгнув с ближайшей сосны, весёлая белка.

Но ёж и её не сразу узнал: какая-то на ней была странная, будто изорванная одежка, вся в разных заплатках — то ли серая, то ли рыженькая.

— Что это ты сегодня как плохо оделась? — спросил он белку.— Всё лето была такая гладенькая, рыженькая, а теперь будто кто тебя пощипал. Уж не побывала ли в зубах у лисицы или в когтях у ястреба?

— Нет,— весело отвечала белка.— Это я лияю, хочу поскорее сменить зимнюю серую шубку на летнюю рыженькую одежку. В такой одежке ты меня раньше и видел. Она попроще зимней.

— А зачем же ты в тёплую шубку переодевалась? — не понял ёж.

— Как зачем? — удивилась белка. — Да в летней одежке зимой замёрзнешь. Ты даже не знаешь, как зимой бывает холодно, когда начнутся морозы, метели и всю землю укроет глубокий снег. Б-рр, как тогда плохо в лесу.

— Зима, снег!.. — улыбнулся ёжик. — Ну чего ты только, врунишка, не выдумашь. Ничего подобного я не видывал. Это тебе всё, верно, приснилось.

— Ах ты глупый, — всплеснула лапками белка. — Вы только, друзья, послушайте, что он говорит: зима мне приснилась! Да она не мне, а тебе, лентяю, присниться могла. Ты же с осени до самой весны в норе проспал.

— А ты разве никогда не спишь? — хитро улыбнулся ёжик. — А помнишь, как ты на солнышке пригрелась, уснула да чуть было ястребу на обед не попала. Я бы тоже мог тогда рассказать, что пока ты спала, зима приходила и снегом землю укрыла. Мало ли, что я бы смог сочинить. Только я таких глупостей никогда не делаю, потому что я умней и солидней вас всех и врать не люблю. — И ёжик, чтобы придать себе ещё больше важности, запыхтел и захрюкал, как поросёнок.

— Ну и чудак, — не унималась белка. — Ты умней всех, а меня и слушать не хочешь. Хорошо же, сейчас я зайца сюда позову, может, он тебя пристыдит.

Белка вскочила на соседнюю сосенку, огляделась кругом и закричала:

— Зайка, зайка, беги скорей, послушай, что тут глупый ёжик рассказывает.

Зяц в два прыжка прискакал на лесную поляну. Присел, насторожил уши. «Ну, в чём тут дело?»

Поглядел на него ёжик и даже рассмеялся. У зайца на боках, поверх бурой одежки, виднелись какие-то белые заплатки.

— Ну и хорош, франт, нечего сканять! — воскликнул ёж.

— Не смейся надо мной, — слегка оби-
делся заяц. — Это я линяю, белую зим-
нюю шубку сбрасываю, в летнюю одёжку
переодеваюсь. Зимой белая тёплая шубка
меня от мороза, от ветра спасала и от
глаз врагов прятала. Улягусь, бывало, под
кустиком, вот меня белого на белом сне-
гу и незаметно.

— И он про какую-то зиму, про бел-
ый снег сказки рассказывает, — возму-
тился ёжик. — Вы, верно, приятели; сто-
ворились меня дурачить. Только меня не
обманешь. Раз я, ёжик, ни зимы, ни мо-
розов, ни снега не видал, значит, их и не
бывает. Всё это сущие выдумки.

— Что ты, ёжик, что ты, — возму-
тилась, прыгая с ветки на ветку, непосе-
да-синичка. — Да как же ты говоришь,
что зимы не бывает? Зима — это самое
страшное время. Зимой очень холодно,
голодно. Я в этом году чуть-чуть с голо-
духи не умерла. Спасибо деревенским
ребятам: они устроили для меня столо-
вую. Я каждый день к ним в деревню ле-
тала обедать, поклюку хлебных крошек,
зёрнышек конопли и обратно в лес уле-
таю. Так всю зиму и прожила.

— Всё это выдумки, всё это вздор, —
упрямо твердил ёжик. — Какую ты там
столовую ещё придумала. Вот я ловлю
себе на обед разных жучков, червячков.
Наемся — и сыт, и никакая столовая мне
не нужна, значит, её и не бывает.

И ёжик очень довольный тем, что
он умней всех, что он так ловко отделал
этих глупых лесных врунишек, не спе-
ша потрусил по поляне поискать себе на
обед жучков, червячков.

А синичка задорно запела ему
вслед:

Ты самый упрямый,
Ты самый смешной,
Ты спал под корнями
Холодной зимой.

Метели не видел,
Мороза не знал,
Не будь же в обиде,
Что зиму проспал.

Но ёжик её и слушать не захотел.

Он бежал не спеша по лесной поляне. И вдруг — что за диво?! Прямо перед ним из круглой земляной норки начала выпирать свеженарытая земля. Выпирает и тут же рассыпается, всё больше и больше. Глядь, уж над самой норкой целый земляной холм вырос.

«Кто же это так трудится, землю из глубины на поверхность выталкивает?» — заинтересовался ёжик. Он приблизился к самому холмику и окликнул:

— Эй, кто там под землёй работает?

— Это я, зверёк-землекоп, — ответил ему голос из норки.

— А как тебя зовут? — спросил ёжик. — И зачем ты землю наружу выбрасываешь?

— Зовут меня крот, — отвечал зверёк-невидимка. — А землю выбрасываю я затем, чтобы прочистить свои охотничьи ходы. Я день и ночь по ним под землю бегаю, охочусь на разных жучков, червячков, которые тоже в земле живут. Они заползут невзначай в мою норку, а я их поймаю и съем.

— И я червячков и жучков ловлю, — радостно ответил ёжик, — только ловлю их не в норке, а прямо среди травы.

— Вот и отлично, — одобрил крот. — Значит, мы друг другу сродни приходимся: оба охотники за жучками, за червячками.

— Верно, верно, — согласился ёжик. — Давай, приятель, поближе с тобой познакомимся. Вылезай ко мне на полянку.

— Ох, не люблю я из норы вылезать, — отвечал крот. — Ну да уж ладно, сейчас выберусь. — И он выполз из своего подземного убежища.

Ёжик стал с любопытством разглядывать своего нового знакомого.

— Какие у тебя забавные передние лапы, — удивился он, — широкие, будто лопаточки, и вывернуты в разные стороны. Как же ты на таких лапах по земле бегаешь? Наверное, сразу в траве запутаешься?

— Поэтому я и не люблю на поверхность земли выбираться,— ответил крот.— Мои лапы служат мне совсем для другого. Бегать на них по земле трудновато, зато рыть ими землю очень удобно. Ты, ёжик, ещё на рыльце моё погляди. Смотри, какое оно длинное, узенькое. Я им, словно буравчиком, в мягкую землю врываюсь, а потом её передними лапами в стороны отгребаю. Так и рою свои подземные ходы и в них днём и ночью добычу ловлю.

«Вот это настоящий охотник, настоящий, солидный зверёк,— с уважением подумал ёжик.— Это не то, что врунишки заяц и белка или непоседа синичка. Спрошу-ка его — видел ли он когда-нибудь зиму и белый снег».

— Какой-такой белый снег? — удивился слепой крот.— У меня в норе всегда темно и кругом только одна земля. Никакого снега я и знать не знаю.

— А знаешь ли ты, что такое ледяной ветер, метель? — спрашивал ёжик.

— И об этом я слышу в первый раз,— отвечал крот.— У меня в норе никогда не бывает ни метели, ни ветра.

«Ну, наконец-то я встретил солидного, умного зверька», — вздохнул с облегчением ёжик.

— С тобой и поговорить приятно,— сказал он кроту.— Мы с тобой, братец, всё видим, всё знаем, я на земле, а ты под землёю. Нас с тобой никто не обманет.

И ёжик, простившись со своим новым знакомым, затрусил дальше по полянке. Он совсем и не слушал того, что ему свистели, трещали и пели разные птицы: синицы, щеглы, корольки. А они, сидя на ветках кустов и деревьев, распевали ему свою задорную песенку:

Эту песенку должны мы
Спеть тебе, упрямый ёж.
Ты лентяй проспал всю зиму,
И зимы не признаёшь.

Крот слепой — плохой советчик,
Белый свет он не видал,
Но тому поверить легче,
Кто тебе не возражал.

Ох, упрямство — это горе,
До добра не доведёт,
Кто без толку вечно спорит,
В наказание слёзы льёт.

Но ёжик всех лесных обитателей, кроме своего нового друга — крота, считал либо дурачками, либо врунишками.

Ёж подбегал уже к кустам на другой стороне поляны, как вдруг из них навстречу ему не спеша, как бы нехотя, вышла плутовка Лиса Патрикеевна. Она давно караулила какую-нибудь добычу и была очень голодна.

Сидя в кустах, лиса отлично слышала, как ёжик спорил с белкой, с зайцем, с синицею. Плутовка слушала да подсмеивалась над глупым ежом. «Ну, попадись мне только этот упрямец, я ему такой «снежок» покажу, что сразу глазки зажмурит!»

Увидя подбегающего к кустам ежа, лиса скорёхонько вышла к нему навстречу.

— Добрый вечер, дружок, — ласково сказала она. — Куда спешишь, зачем торопишься, разве не знаешь пословицы: «Поспешишь, зверей насмешишь».

— Ничего и знать не хочу, — заворчал ёжик, сворачиваясь в колючий клубок. — Уходи от меня, лиса, а то весь нос исколю.

— Ох, какой ты сердитый! — таким же певучим ласковым голосом прогнула лисица. — Да ты, дружок, не бойся меня, я тебя не съем, я сегодня сытая-пресытая.

Она села возле ежа и продолжала:

— Лежала я вот тут, под кустиком, дремала после обеда да слушала болтовню глухих птиц и зверей, как они тебя одурачить хотели, про какую-то зиму, про белый снег рассказывали. — Лиса на минуту примолкла, вздохнула и продолжала сладким голосом: — Здорово ты им, дружок, отвечал, всех переспорил, вот уж умница, вот молодец!

Ёж был очень доволен похвалой лисицы. Он даже перестал сердито пыхтеть, но разворачиваться всё же побаивался.

А лисица, передохнув минутку, опять продолжала:

— Переспорить-то их ты переспорил, а всё-таки не доказал, что они всё врут и над тобой подсмеиваются.

— А как же им ещё доказать? — спросил ёж.

— Очень просто, — отвечала лиса. — Они тебе что говорили? Когда зима наступает? Когда белый снег на землю ложится? Тогда, когда ты уснёшь. А почему, говорят они, ты, дружок, ни зимы, ни снега, не видел? Потому что спишь под корнями в норе, да ещё в листьях, в мох закутаешься, да ещё в клубочек свернёшься. А я вот что тебе посоветую: попробуй сейчас задремать. Да только в норку не залезай, листьями не укрывайся и в плотный клубок не сворачивайся. Ляг на спинку, вот тут на поляне, животик на солнышко выстави и усни. Если твои дружки не врут, значит, как ты только уснёшь, так зима и заявится, холодный снег тебе на животик посыплет, ты и проснёшься. А коли дружки твои всё наврали, коли зимы никакой и в помине нет, ты на солнышке выспишься, вот и всё. А я пока в лес побегу, некогда мне. Прощай, дружок! — И лиса, облизнувшись, скрылась в кустах.

— Это, пожалуй, дело Патрикеевна говорит, — решил глупый ёж. — Не буду в колючий клубок сворачиваться, лягу на спину и засну. Посмотрим, придёт ли зима, посыплет ли мне на брюшко холодный снег? Конечно, она не придёт! То-то буду я потом над всеми лесными врунишками и дурачками подсмеиваться!

Ёж развернулся, лёг на спину, подставив вечернему солнцу своё брюшко, и задремал.

Напрасно с ближайших кустов и деревьев на разные голоса ему пели, кричали, свистели птицы:

Ёж, не верь словам лисицы,
Лучше верь друзьям своим.
Дятлы, сойки и синицы,
Мы добра тебе хотим.

Ты плутовки злой не слушай,
Поплотней свернись в клубок,
А не то лисе на ужин
Попадёшь, как колобок.

Но ёжик их даже и не слышал. Он сладко заснул, растянувшись на солнышке.

А вот пришла ли к нему во сне зима или не приходила, об этом наш ёжик так никогда и не узнал. Потому не узнал, что к утру от него осталась только одна колючая шкурка.

СИНИЦА И СОЛОВЕЙ

На самом краю деревни находился глубокий овраг. Он весь зарос деревьями и кустами, а внизу, на дне его, бежал ручёк.

Здесь даже в жаркие летние дни было свежо и прохладно; так и тянуло прилечь на мягкий, пушистый мох и слушать неторопливо журчащую песню воды.

В зелёных зарослях по склонам оврага ютились множество птиц. Они вили там свои гнёзда и выводили птенцов.

Привольно жилось малышам среди густых ветвей; было где полетать, попрыгать, поискать разных жучков, червячков...

И молодая синичка, которая только в этом году вывелась из яйца, чувствовала себя там превосходно.

Эта синичка уже не была желторотым птенцом. Она считала себя совсем взрослой птицей. Как и другие синицы, она оделась в нарядные перышки: головка у неё была в чёрной шапочке, на шее длинный чёрный галстук, грудка жёлтая, а спинка тёмная с зеленоватым отливом.

Молодая синичка уже научилась хорошо летать и самостоятельно добывать себе пищу. Ей было даже смешно вспомнить о том, как она вместе со своими братьями и сёстрами сидела в гнезде и широко разевала рот, прося, чтобы мать сунула ей червячка или мушку. Теперь синичка сама, без всякой помощи, отлично находила корм. С утра до ночи перепархивала она с ветки на ветку, тщательно осматривая своим зорким чёрным глазом каждую древесную щёлку, каждую трещину. Ни один жучок, ни одна личинка не могли от неё укрыться. Заметив их, синичка засовывала в щель тонкий, как шильце, клювик и вытаскивала добычу.

И вот однажды, прыгая по суку, синичка увидела на земле, под деревом, какую-то другую, очень скромно одетую, буроватую птицу. Она копошилась среди прошлогодних опавших листьев, приподнимала их своим клювом и что-то искала под ними.

— Зачем ты копаешься в гнилой листве? — крикнула ей с дерева синица.

— Как зачем? — удивилась птичка. — Я ищу червячков.

— Тогда взлетай поскорее ко мне на дерево, — пригласила её синичка. — Здесь их тоже достаточно.

— Нет, мне удобнее ловить червячков на земле, под листьями,— ответила незнакомка и вновь начала копаться в листве.

«Да, может, она ещё и летать не умеет?» — подумала синица, глядя вниз под кусты, где копошилась невзрачная птичка.

Наконец синица наелась и слетела на землю. Незнакомка тоже закончила свою охоту, и обе птички разговорились.

— Давай взлетим на сучок,— предложила синица.

— Ну что же, давай.

И они, ловко вспорхнув с земли, уселись на дерево.

— Только сядем под ветки, в тень,— попросила незнакомка.— Я не очень люблю яркое солнце,— мне больше нравятся полумрак и прохлада.

— Вот как? — удивилась синичка. А про себя подумала: «Наверное, она стесняется, что так ненарядно одета, не хочет другим птицам на глаза показываться».

— А как тебя звать? — спросила она.

— Меня зовут соловей. Я родился тут в гнезде, под кустами. Нас было пять птенцов. Мы уже подросли и покрылись пёрышками. Всё было хорошо, а потом случилось большое несчастье: нас разыскал хорёк. Этот злодей переловил и съел всех моих братьев и сестёр. Я уцелел просто случайно: хорёк не заметил меня.

Синичка даже крылышками всплеснула, услышав такой печальный рассказ.

— Да разве можно вить гнездо на земле? — изумилась она.— Моя мать устроила его в дупле старой липы и нас, детей, учила вить гнёзда в дуплах деревьев или в скворечниках, которые развешивают люди нарочно для нас, синиц, и для других птичек.

— А моя мать учила вить гнездо на земле, под кустами, только хорошенько прятать его среди опавшей листвы.

— Вот потому, что вы вывелись на земле, с вами и случилось такое несчастье,— наставительно сказала синичка.

— Совсем не поэтому,— отвечал соловей.— На днях я познакомился с дятлом. Он рассказал мне, что сам выдолбил дупло в старой осине, устроил в нём гнездо. И что же из этого вышло? Когда в гнезде уже были яйца, в дупло забралась белка и все их поела. Значит, дело не в том, где устроить гнездо, а в том, сумеешь ли ты его спрятать от глаз врага. Если сумел — всё хорошо, а не сумел — пеняй на себя.

На это синичка не знала, что ответить. Может быть, соловей был и прав. А кроме того, не хотелось спорить. Ей было очень жаль такую невзрачную и одинокую птичку.

С тех пор синица и соловей крепко сдружились. Они виделись каждый день, и хотя искали добычу врозь — синичка на дереве, а соловей на земле,— но зато после охоты они садились в тень на сучок и долго беседовали.

По характеру друзья мало походили один на другого. Синичка была непоседа, весёлая, говорунья, а соловей — какой-то тихий, робкий, задумчивый.

Синичка за свою короткую жизнь успела уже осмотреть не только родной овраг, но побывать и в соседней деревне. Там она залетела в сад, обшарила все яблони, груши, очистила их от жучков и личинок. Она перезна-

комилась с разными птицами — галками, воробьями. Те жили не в лесу, а прямо в деревне, возле домов, и приглашали весёлую синичку прилетать к ним почаще в гости.

Синичка всей душой полюбила свои родные края: заросший овраг, сад в соседней деревне, даже саму деревеньку.

— На свете нет ничего красивее и лучше наших родных мест, — уверяла она соловья.

Но соловей не соглашался с этим. В душе он был мечтатель и фантазёр. Он не вылетал ещё никуда из густых кустов своего оврага, однако он хорошо помнил рассказы матери о далёких заморских странах, куда улетают на зиму все соловьи. Мать рассказывала, что там растут чудесные вечнозелёные кусты и деревья, а под ними в густой тени зиму и лето журчит вода, и во влажном сумраке на земле кишит множество разных жучков и других насекомых.

Соловей рассказывал об этих странах синичке.

— Глупые птицы, — говорил он, — зачем же они весной летят назад, когда там, на юге, и зиму и лето так хорошо. Вот придёт осень, я улечу за море — далеко-далеко — и уже больше никогда сюда не вернусь. Полетим вместе, — предлагал он синичке. Но та отрицательно качала головкой.

— Зачем мне лететь куда-то за море, когда мне и здесь неплохо, — отвечала она. — Не верю я всем этим рассказам. А ты лучше погляди кругом, что может быть красивее наших берёзок! Вон сколько их столпилось на косогоре. Они опустили вниз зелёные ветви, машут нам, зовут нас туда, на солнышко, на пригорок. Никуда я не полечу отсюда, — решительно добавляла синичка. И друзья расставались до следующего дня немножко недовольные друг другом.

Но это не мешало им встретиться наутро и снова вести дружескую беседу. Так приятели совсем и не заметили, как промелькнуло лето.

Пришла пора соловью улетать в тёплые страны. На тех самых берёзах, что росли на пригорке, уже начала вянуть листва. Подует, бывало, ветер, и полетят вдаль жёлтые листья, кружатся в воздухе, поблёскивают на солнце, будто рой золотистых бабочек.

Грустно было синичке оставаться одной, но ничего не поделаешь. Правда, с её весёлым нравом она грустила совсем недолго. Да и где там долго грустить, когда кругом, что ни день, то происходит что-нибудь новое.

Теперь не только берёзы, а и другие деревья и даже кусты разоделись в разноцветный убор. Лес по склонам оврага стал такой красивый, весь огненно-красный и золотой.

Осенние дни были яркие, без единого облачка. Но солнце почему-то почти не грело. К вечеру же становилось совсем прохладно. Синичка спешила забраться куда-нибудь в укромное место, где её не продувало бы ветром. Она засыпала чутким сном, а когда просыпалась поутру, трава и ветви деревьев были покрыты белым колючим инеем.

С каждым днём делалось всё труднее добывать еду. Паучки, жучки и личинки попрятались от холода, забрались в глубокие щели. Нелегко их было там разыскать и ещё мудрёнее оттуда вытащить.

* * *

Наконец пришла зима. Небо затянули тучи, и повалил снег. К утру он укрыл всю землю, кусты и деревья.

Испугалась синичка: «Где же теперь еду добывать?»

Но тут она вспомнила, как воробьи её приглашали в гости, взмахнула крылышками и полетела в деревню.

Воробьи сразу её узнали: обрадовались, зачирикали, позвали с собой на задворки, туда, где люди мусор выкидывают. Среди этого мусора было много разной еды: крошки хлеба, кусочки каши, даже косточки с остатками мяса.

Синичка отлично наелась и решила, пока стоят холода, остаться в деревне, в компании с воробьями.

Но зима в том году выдалась очень холодная, снежная. Птицам даже в деревне искать корм становилось всё труднее. Корочки хлеба и все кусочки, которые люди выбрасывали на задворки, мигом расхва-

тывали более сильные птицы — вороны и галки, а синичке почти ничего не оставалось.

День ото дня она становилась всё слабее. Птичка уже не чирикала, не скакала с ветки на ветку, а чаще всего сидела, вся распушившись, как шарик.

«Жаль, что я не послушалась соловья и не улетела вместе с ним в заморские страны, — думала синица. — Там и теперь тепло, зеленеет трава и много разных жучков. А здесь только холод да снег. Скоро я совсем ослабею и замёрзну».

Так печально раздумывала она в одно ледяное зимнее утро. Мороз в это утро был особенно крепок. Все деревья будто оцепенели. Они стояли белые, одетые в густой иней. В воздухе висела сизая, морозная мгла.

Синичка не ела уже третьи сутки. Она так изголодалась и так продрогла, что еле-еле держалась на ветке. На неё напала какая-то сонливость, даже не хотелось поискать еду.

И вдруг она услышала под деревом голоса ребятишек.

— Смотрите, синичка сидит. Наверное, совсем замёрзла. Давайте покормим её, — говорили дети, указывая на птичку.

Их слов синица, конечно, не поняла. Но зато она очень обрадовалась, когда один мальчуган принёс из дома кусочек хлеба, раскрошил и разбросал крошки под деревом.

Птичка была так голодна, что даже не дождалась, пока уйдут ребятишки. Она тут же слетела на снег и начала есть.

С этого дня дети каждое утро, перед тем как идти в школу, кормили синичку. В садике, возле дома, они даже устроили специальную птичью кормушку: приделали в развилке сучков широкий деревянный ящичек и сыпали туда крошки хлеба, остатки каши, зёрнышки конопли, пшена.

В этой бесплатной «столовой» кормилась не только синичка. Туда же прилетали воробьи и овсянки. Нередко заглядывали также суетливые щеглы и степенные красногрудые снегири. Всем вдоволь хватало корма.

С тех пор синичка повеселела и уже не горевала о том, что не послушалась соловья, осталась зимовать в родных краях. Теперь, когда птичка была сыта, никакой мороз её не пугал.

* * *

Но не всё же время свирепствовать морозам и вьюгам. Пришла, наконец, и весна. Да такая дружная, весёлая.

Синичка первая отметила её приход. Прыгая с ветки на ветку и греясь на солнышке, она громко защебетала весёлую песенку. «Чи-чи-ку, чи-чи-ку», — распевала она, будто выстукивала по сучкам звонким серебряным молоточком.

А с соседней вершины дерева ей начала вторить длиннохвостая овсянка. Она запрокидывала вверх головку и, словно торопясь, выговаривала: зинь-зинь-зинь. А потом тянула длинную звонкую трель: зииииииииии...

Даже старый хлопотун-дятел решил по-своему поприветствовать весну. Он забрался на обломанный ствол сухого дерева и начал быстро колотить по нему клювом, выбивая барабанную дробь: т-рррррррррр, т-ррррррр...

Так все птицы, которые зимовали в родных краях, каждая по-своему, но одинаково радостно, встречали весну.

И для синички настало счастливое время. С утра уже пригревало солнце, из древесных щёлок начали выползать жучки, пауки... Вот когда можно было за ними вволю охотиться, только лови — не ленись. И синичка не ленилась. Целый день она летала по саду, по лесу, без счёта поедая разных жучков и личинок.

— Молодчина синичка, — говорили ребята, — вон как старается, всех вредителей в саду поклюёт. Это она нас отблагодарить хочет за то, что мы её зимой кормили.

Но синичка хлопотала совсем не для ребят. Она просто охотилась за добычей и даже не подозревала, что приносит этим пользу лесу и саду.

* * *

Уже давно растаял снег, зазеленела трава, а на кустах и деревьях развернулись листочки. Синица опять переселилась в лесной овраг. Как чудесно было в нём в эту раннюю весеннюю пору. Всюду журчала вода, и, будто синие осколки стекла, блестели на солнце большие лужи. Возле них уже расцвели первые цветы — подснежники и медуница.

Теперь синице жилось очень хорошо. Ей даже не верилось, что ещё недавно весь этот лес был сплошь завален снегом. Об одном только жалеала птичка, что нет её старого друга — соловья.

Синица вспоминала о нём особенно часто по вечерам, когда заходило солнце, затихал лес и она сама, усевшись поуютнее, отдыхала на ветке после дневных хлопот.

И вот в один из таких тёплых весенних вечеров, когда в воздухе крепко запахло берёзовой горечью и вокруг зелёных ветвей загудели и закружились майские жуки, вдруг из кустов над ручьём послышалась песня. Её запел невидимый в темноте крылатый певец. Его чудесный могучий голос разнёсся далеко кругом по заснувшим лесным отрогам.

Синичка вздрогнула и радостно насторожилась. Она сразу узнала по голосу своего друга — соловья.

А пел он о том, как хороши заморские страны, какие там зелёные рощи, как ярко светит солнце и круглый год под сенью деревьев журчит вода. Он пел о чудесных заморских птицах, о невиданных по красоте цветах, о той далёкой южной стране, откуда он прилетел. А ещё соловей пел о том, как он тосковал там, вдали, без друзей, тосковал по своей родине, по лесному оврагу, где он родился и вырос, по косогору с берёзками, по ласковому, нежгучему солнцу. Он пел о том, что нет ничего на свете милее родины, и о безмерном счастье того, кто после долгих скитаний может снова вернуться к себе домой, на родную землю.

Эту песню о родине, о счастье вернувшегося домой скитальца слушали птицы и лесные зверюшки, слушал по-ночному притихший лес.

Но особенно радостно слушала эту песню синичка. Слушала и радовалась тому, что теперь они с соловьём вновь будут вместе.

«Значит,— решила синичка,— теперь уже всё хорошо!»

Цена 61 коп.

